

А. С. Пушкин

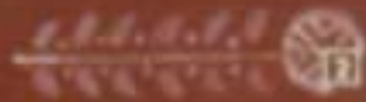
Сказка о Золотом
петушке

Художник К. Савицкий

Негде, в тридевятиом царстве,
В тридесятом государстве

Жил-был славный царь Дадон.

Смолоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело;

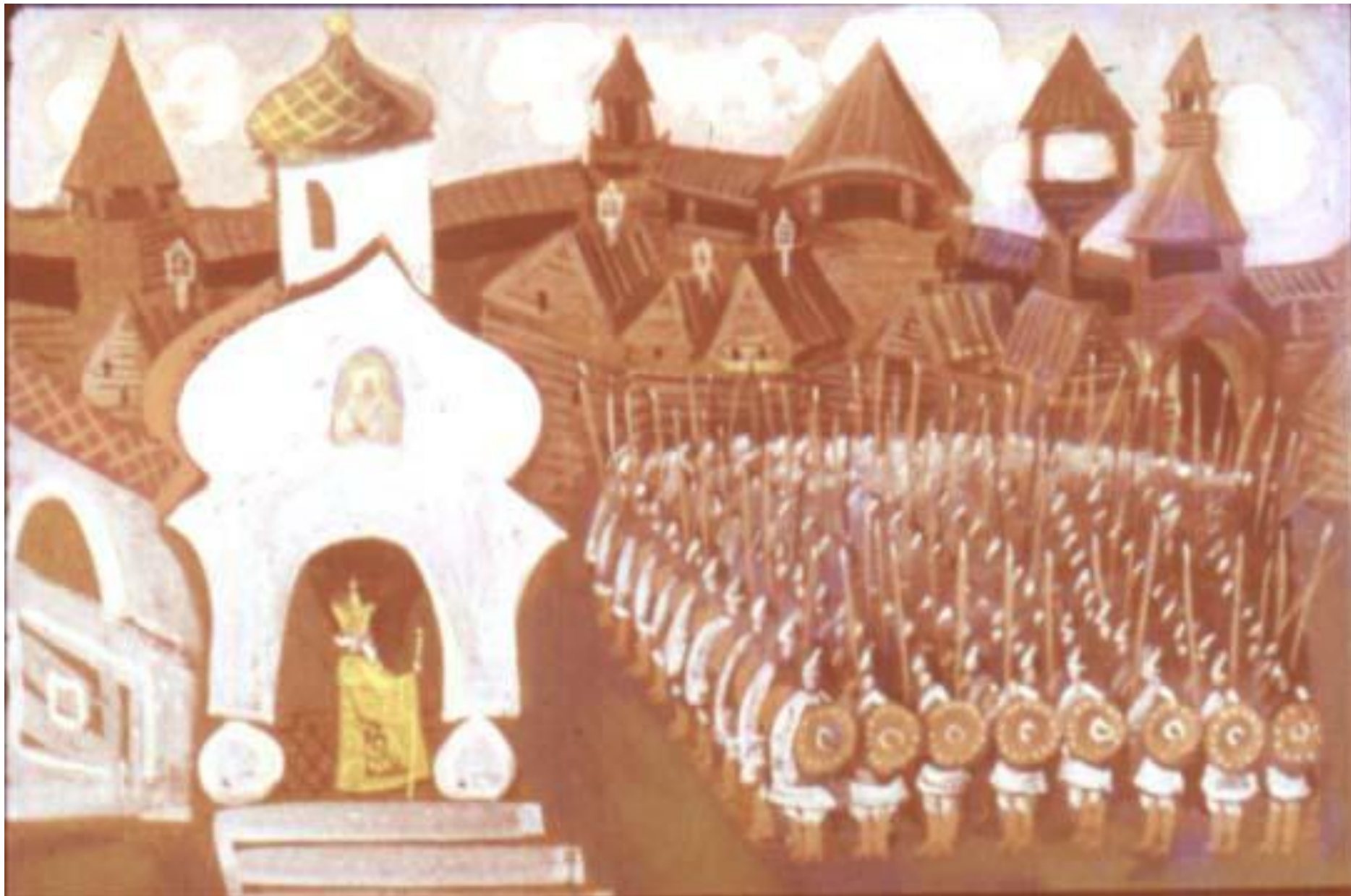
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покоем себе устроить.

Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.

Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,

Должен был он содержать
Многочисленную рать. [7]

Воеводы не дремали, Ждут, бывало, с юга — глядь —
Но никак не успевали. Ан с востока лезет рать!

Справят здесь – лихие гости
Идут от моря. Со злости
Инда планал царь Дадон,

Инда забывал и сон.
Что и жизнь в такой тревоге!

Вот он с просьбой о помощи
Обратился к мудрецу,

Звездочёту и снопцу.
Шлёт за ним гонца с поклоном. ^[10]

Вот мудрец перед Дадонем
Стал и вынул из мешна
Золотого петушна.

„Посади ты эту птицу, —
Молвил он царю, — на спицу;

Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой: [12]

Коль кругом всё будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незванной,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепенётся
И в то место обернётся".

Царь снопца благодарит,
Горы золота сулит.
„За такое одолженье, —

Говорит он в восхищенье, —
Волю первую твою
Я исполню, как мою“.

Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.

Чуть опасность где видна,
Верный сторож как со сна
Шевельнётся, встрепенётся,

И той сторонке обернётся
И кричит: „Нири-ну-ну:
Царствуй, лёжа на бону!“

И соседи присмирели,
Воевать уже не смели:
Таковой им царь Дадон
Дал отпор со всех сторон!
Год, другой проходит мирно;
Петушок сидит всё смирно.

Вот однажды царь Дадон
Страшным шумом пробуждён:
„Царь ты наш! отец народа! –

Возглашает воевода, –
Государь! проснись! беда!“

„Что такое, господа? –
Говорит Дадон, зевая. –
А?.. Что там?.. беда накая?“

Воевода говорит:
„Петушок опять кричит;
Страх и шум во всей столице“.

Царь и оношкн – ан на спице,
Видит, бьётся петушок,
Обратившись на восток.

Медлить нечего: „Скорее!
Люди, на конь! Эй, живее!“

Царь к востону войско шлёт,
Старший сын его ведёт.

Петушок угомонился,
Шум утих, и царь забылся.
Вот проходит восемь дней,

А от войска нет вестей:
Было ль, не было ль сраженья, —
Нет Дадону донесенья.

Петушок кричит опять. Сына он теперь меньшого
Кличет царь другую рать; Шлёт на выручку большого.

Петушок опять утих.
Снова вести нет от них!
Снова восемь дней проходят;
Люди в страхе дни проводят;

Петушок кричит опять;
Царь сближает третью рать

И ведёт её к востоку,
Сам не зная, быть ли проку.

Войска ідут день и ночь;
Им становится невмочь.
Ни побоища, ни стана,

Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.

“Что за чудо?” – мыслит он.
Вот осьмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит

И промeж высоних гор
Видит шёлновый шатёр.

Всё в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущелье тесном
Рать побитая лежит.

Царь Дадон и шатру спешит...

Что за страшная картина!
Перед ним его два сына,
Без шоломов и без лат,

Оба мёртвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.

Бродят кони их среди луга,
По притоптанной траве,
По кровавой мураве...

Царь завыл: „Ох, дети, дети! Оба наши сонола!
Горе мне! попались в сети Горе! смерть моя пришла“.

Все завывали за Дадонем,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор
Потряслося. Вдруг шатёр

Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,

Вся сияя, как заря,
Тихо встретила царя.

Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,

И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.

И она перед Дадонем
Улыбнулась – и с поклоном
Его за руку взяла

И в шатёр свой увела.
Там за стол его сажала,
Всяним яством угощала,

Уложила отдыхать
На парчовую кровать.
И потом неделю ровно,

Покорясь ей безусловно,
Околдован, восхищён,
Пировал у ней Дадон.

Наконец и в путь обратный
Со своею силой ратной

И с девицей молодой
Царь отправился домой.

Перед ним молва бежала, Под столицей, близ ворот,
Быль и небыль разглашала. С шумом встретил их народ, — 41

Все бегут за колесницей,
За Дадоном и царицей;
Всех приветствует Дадон...

Вдруг в толпе увидел он,
В сарачинской шапке белой,

Весь, как лебедь, поседелый,
Старый друг его, снопец. [43]

„А, здорово, мой отец, —
Молвил царь ему, — что скажешь?
Подь поближе! Что прикажешь?“

„Царь, – отвечает мудрец, –
Разочтёмся наконец.
Помнишь? за мою услугу

Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, как свою. [45]

Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу”.

Крайне царь был изумлён.
„Что ты? — старцу молвил он, —
Или бес в тебя ввернулся?

Или ты с ума рехнулся?
Что ты в голову забрал?

Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница!
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли, кто я?

Попроси ты от меня
Хоть назну, хоть чин боярской,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть полцарства моего!"

„Не хочу я ничего!
Подари ты мне девицу,

Шамаханскую царицу“, —
Говорит мудрец в ответ.

Плюнул царь: „Так лих же: нет!
Ничего ты не получишь.
Сам себя ты, грешник, мучишь;

Убирайся, цел пона!
Оттащите старина!“

Старичон хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить;
Царь хватил его жезлом

По лбу; тот упал ничком,
Да и дух вон. Вся столица

Содрогнулась; а девица –
Хи-хи-хи! да ха-ха-ха!
Не боится, знать, греха.

Царь, хоть был встревожен сильно,
Усмехнулся ей умильно.

Вот въезжает в город он; И в глазах у всей столицы
Вдруг раздался лёгкий звон, Петушок спорхнул со спицы;

И колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, нлюнул в темя

И взвился... И в то же время
С колесницы пал Дадон!
Охнул раз, — и умер он.

А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало.

Сназна ложь, да в ней намён!
Добрым молодцам урон.

Конец

Редактор Н. Мартынова
Художественный редактор А. Морозов

Студия „Диафильм“, 1968 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. №7

Д-402-68

Цветной 0-30